

Отсюда переходы отъ „джерсэ“ гимнаста къ по- сконной рубахѣ пахаря и отъ „дэндизма“ къ оправданию.

Фетъ, рассказывая эпизодъ ссоры между Тургеневымъ и Толстымъ, едва не окончившейся, по заявлению самого Тургенева, дуэлью, между прочимъ, передаетъ такое характерное замѣчаніе, сказанное Толстымъ на вечерѣ у Некрасова.

— Я не могу признать, рѣшительно сказавъ Л. Н. собесѣдникамъ, чтобы высказанное вами было вашими убѣжденіями. Я стою съ кинжаломъ или саблей въ дверяхъ и говорю: „пока я живъ, никто сюда не войдетъ“. Вотъ это убѣженіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣженіемъ“.

Итакъ, говорить Толстой, убѣдясь въ необходимости реформы, будь она этическая или другая, проповѣдую ее,—начните съ себя.

Быть можетъ Толстому это не всегда удавалось и удается, но онъ всегда старался начать и начинаять съ себя. Такимъ образомъ Толстой, надо сказать, проповѣдывалъ столько же словомъ, сколько дѣломъ. И дѣломъ раньше, чѣмъ словомъ. Вотъ тайна его всемирного обаянія, подготовленная ореоломъ писательской извѣстности.

80 лѣтъ онъ дѣлалъ свою жизнь, а не двоился, какъ мы, между идеалами и дѣйствительной быденішней! 80 лѣтъ, во всѣхъ измѣненіяхъ формъ своей жизни, онъ стремился „соединиться съ Богомъ“,

съ тѣмъ Богомъ, котораго, плака и рыдала, тосяку и веелась, среди тяжкаго труда, среди злодѣйствъ и ненависти, каждый ищетъ, сколько мгновеній своей жизни.